

The background of the book cover is a classical landscape painting. It features a large, dense tree with green and brown foliage in the foreground, partially obscuring a view of a field and distant hills. The sky is filled with soft, white and grey clouds, suggesting a bright but slightly overcast day. The overall style is reminiscent of 19th-century landscape art.

ВЛАДИМИР МАКАРЧЕНКО

ВОНА КАК

ПОВЕСТИ

Владимир Макарченко

Вона как. повести

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20584596

ISBN 9785448308291

Аннотация

В данную книгу включены повести разных лет и разных жанров. Основу составили повести, написанные в жанре фэнтези. Последняя повесть историко-биографическая.

Содержание

Вона как...	5
Колькино чудачество	35
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Вона как повести

Владимир Макарченко

© Владимир Макарченко, 2016

ISBN 978-5-4483-0829-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вона как...

Высокого роста мужчина в сером плаще и модной шляпе «котелке», прижимая к себе локтем изящную трость с ручкой-набалдашником, шагал по объятой ночной тенью улице. Редкие фонари пытались бороться с темнотой, но делали это настолько не успешно, что в трех шагах от них уже трудно было отличить предметы друг от друга. Прохожий негромко мурлыкал себе под нос какой-то навязчивый мотивчик и всем своим видом выражал явное удовлетворение течением своей жизни. Некоторое подобие улыбки смогли бы разглядеть внезапно вставшие на его пути потрепанные мужики с ножами в руках, если бы свет оставленного позади уличного фонаря сумел дотянуть свои слабые лучи до этого места.

– Куды спешим? – Грозно спросил один из мужиков, приставляя царапающий кончик остро отточенного лезвия к подбородку прохожего, в то время как его напарник нацелил свой нож в его левый бок. – Не желаем ли поделиться с неимущим человеком содержимым своего кошелька? Бог велит добро делить! Так, как? Сами поделимся, иль помощь нужна?

– А вы уверены, господа хорошие, что я должен с вами чем-то делиться? – Не проявляя никакого волнения, спросил прохожий.

– Сомнения имеются? Подсобить? – Лезвие больно коль-

нуло подбородок, а рука второго мужика плотно прижала нож к боку прохожего.

– Ну, хорошо-хорошо! Чего нам спорить попусту? Коли Бог велит... – Прохожий неуловимо быстрым движением перехватил свою трость в правую руку и коснулся ее рукоятью каждого из мужиков. – Поспите, господа хорошие. А, когда очнетесь, на паперть ступайте. Там убогим подают. Вам теперь только там и пребывать. От ума, в котором столько зла накопилось, я вас навсегда освобождаю. Будете веселые и довольные, как дети малые. А мне не досуг с вами долго задерживаться. Дела, знаете ли.

Прохожий спокойно ступил вперед, а за его спиной, усевшись прямо на тротуаре и обнявшись, как родные братья переливисто захрапели впавшие в крепкий сон мужики.

Следующий уличный фонарь выхватил из ночного мрака и замер своими лучами на большой вывеске над стеклянной дверью с крыльцом: «ТРАКТИР «ЗОЛОТОЙ ФАЗАН». Под текстом вывески местным талантом был изображен желто-красный фазан на фоне зеленой травы. Как только прохожий поравнялся с крыльцом, под трезвон дверного колокольчика на крыльцо вышел городской в полной должностной амунии. Напялив не твердыми руками, ослабленными традиционным воскресным ужином с обильным возлиянием горячительного, на голову форменную фуражку, городской качающейся походкой отправился к месту проживания. Прохожий же, не дав двери затвориться, проник в помеще-

ние трактира.

Владелец заведения, известный всему городу Прохор Рвач был занят в ту минуту своим любимым делом. Он разглаживал на столе мятые ассигнации и раскладывал их отдельными стопочками по объявленному их номиналу. «Косточки» больших счет четко отстукивали количество полученной за день выручки, являя своими звуками самую желанную мелодию души трактирщика. Затем наметанными движениями были просчитаны монеты. А потом все это исчезло в емкой внутренности большого сейфа, работы уральских умельцев.

– Еще один денек барышом порадовал! – Прохор довольно погладил обеими руками небольшое брюшко, важно нависшее своим величием над поясным ремнем брюк, до предела напрягая застежку жилетки. – Интересно бы знать, каково все будет годиков, эдак, через десяток... А ежели... через пять десятков? Думаю, при моем здоровье дотяну. Хорошо бы, несомненно, и за сотню лет заглянуть. Только это уже никак не возможно...

– Отчего, милостивый государь? – Раздался голос в тишине комнатки, освещенной керосиновой лампой с большим абажуром, подвешенной на бронзовой цепочке к потолку.

«Грабители!» – молниеносно пронеслось в голове Прохора. Он с опаской оглянулся на голос и обнаружил перед собой сидящего в кресле элегантно одетого мужчину. Тот сидел, положив ногу на ногу и разместив на них красивую

трость с позолоченным набалдашником. Добрая улыбка приятно отозвалась теплом в слегка застывшей душе Прохора.

– Отчего же обязательно грабители? Или достойные люди не посещают Ваше заведение. Я только минуту назад столкнулся у входа с самим городовым, присутствие которого в Вашем заведении, наоборот, пресечет всякую вздорную мысль, забравшуюся в голову, какого-то бы ни было, злоумышленника. – Произнес незнакомец.

– Не имею удовольствия знать Вас, господин. Никак не вспомню, видались ли ранее. – Неуверенным тоном произнес Прохор.

– Нет, не встречались, уважаемый Прохор Семенович. – Заверил незнакомец.

– Так откуда же, позвольте узнать, вы знаете меня?

– А кто же в городе Вас не знает? – Произнес незнакомец, привставая с кресла. – Позвольте представиться! Михаил Архангелов. Служащий Высочайшей (он ткнул пальцем в потолок) Канцелярии. Начальник особого департамента, если можно так выразиться.

– По какому, позвольте поинтересоваться, случаю посетили мое убогое заведение? – Прохор никак не мог определить, куда приладить предательски трясущиеся руки. Немного успокоившись, он сунул их за спину, где крепко сплел пальцы. – К сожалению, все половые уже провели уборку зала и разошлись... Но, я постараюсь сам... как-то угостить столь высокого гостя. Могу предложить хороший коньяк под хо-

лодную закусочку...

– Не пью горячительного, дорогой Прохор Семенович. Поужинать не прочь, а с напитками отставим. Я могу предложить свой. Небесный напиток! Чудодейственный! – Михаил извлек из кармана плаща наброшенного на спинку кресла небольшой хрустальный сосуд, наполненный жидкостью розового цвета, и водрузил его на стол перед Прохором. – Несите Ваш ужин.

Когда пробка сосуда была вынута из горлышка, необычайный аромат тут же наполнил комнату, кружа голову восхитительностью своего букета, и у Прохора возникло ощущение, что мир перестал быть ограниченным стенами заведения. Он вообще перестал быть прежним. Он стал не ощущаем.

– Не волнуйтесь, Прохор Семенович. – Успокоительно прозвучал голос Михаила. – Мы с Вами переносимся на десять лет вперед, как Вам того и хотелось. Потерпите немного.

– Я не просил Вас о том! – Сорвалось у Прохора.

– Как же? В нашей Канцелярии зафиксирована неоднократность Ваших подобных желаний. А, коль вы являете собой человека, страстно выполняющего все ее требования и пожелания, по этой причине было принято решение об исполнении Ваших желаний. Понятно?

– Понятно... – Промямлил Прохор, не понимая абсолютно, о чем идет речь, и предписания какой канцелярии он так образцово исполнял.

Внезапно мир приобрел свои надлежащие формы. Про-

хор с Михаилом оказались на тротуаре прямо против входа в трактир «ЗОЛОТОЙ ФАЗАН». Ранние утренние лучи скользнули по вывеске, на которой обозначились несколько ран от сквозных пулевых отверстий.

– Вот мы и прибыли в Ваш трактир десять лет спустя. – Объявил Прохору стоявший рядом Михаил. – Только существует одна особенность. Мы с Вами не видимы окружающим и не можем вступать с ними в контакты.

– Отчего?! – Удивился Прохор.

– А от того, что не может быть в мире сразу два Прохора-трактирщика. Получается так, что будете глядеть на себя и все остальное со стороны. Понятно?

– Теперь – да. – Вздохнул в ответ Прохор.

Изрядно подвыпивший гражданин в черном кожаном плаще и фуражке из того же материала с красной звездой в центре околыша, с трудом удерживал непослушное тело в вертикальном положении. Совершал он это путем переноса части веса собственного тела на довольно хрупкие плечи упакованной в кожаную же куртку женщины в красной косынке. Гражданин с усилием приподнял настырно скатывавшуюся на грудь голову, ознакомился туманным взором с видом фасада и саданул в дверь трактира кованым каблуком своего сапога.

– Товарищ Зотов... – Осторожно обратилась к гражданину его спутница. – Двери в обратную сторону открываются...

– И что?! – Рывкнул кожаный плащ, возмущенный неповиновением его воле каких-то дверей. – Откроем куда надо! После этого второй кованый каблук врезался в дверь.

– Товарищ Зотов... – Теперь уже простонала его спутница.

Товарищ Зотов начал расстегивать кобуру висевшего под правой рукой револьвера. Женщина застонала еще громче. В это время кто-то попытался отворить двери изнутри. Створка проскользнула своим вертикальным ребром в миллиметре от носа товарища Зотова и ударила его по правой руке, которая только-только запустила свои пальцы в обхват привычной рукояти табельного оружия. От неожиданности такого выпада, пальцы разжались и выскочили наружу, оставив револьвер в его кожаном хранилище. А оторопевший товарищ Зотов промычал:

– Э-э-э-э! Какого хрена?! На кого покушаешься, шкура нэпмановская?!

На пороге знакомой харчевни, вздрогнув всей своей бестелесностью, Прохор узнал самого себя.

– Совсем, почитай, и не изменился! – Восторженно сообщил он свое умозаключение, стоявшему (или висевшему в пространстве) рядом с ним, Михаилу. – Только солидней выглядеть стал! Видать, жизнь в гору пошла!

– Потерпите с умозаключениями, Прохор Семенович.

Дайте картинке развернуться до конца. – Остановил его Архангелов.

– Проходите, гость дорогой! К Вашим услугам! Вот сюда пожалуйста! В кабинку! С дамой – самый раз! – Услужливо раскланивался живой Прохор Семенович, успевая подать знак половому на смену скатерти и ускорение сервировки на столике «дорогих гостей». В это же время он умудрился подставить и себя под оседающее тело товарища Зотова и усадить его на мягкий стул. – Давненько не заглядывали. Почитай, с прошлого вторника. Боле недели уж. Чем прикажите накрывать?

– Тащи все лучшее, нэпмановская морда! В последний раз гулять будем! Закрываем твою богадельню! Хватит жировать на нуждах трудового народа! – Рывкнул, немного пришедши в себя после глотка холодного кваса, товарищ Зотов.

– Как прикажете понимать? – Насторожился Прохор Семенович.

– А так и понимай: кончилась твоя буржуйская жизнь! После ужина мы с Танеч... с Татьяной Степановной опечатаем твой очаг наживы. А завтра явишься ко мне в ЧеКа для дачи показаний. Да не опаздывай!

– Каких показаний?! – Удивился Прохор Семенович.

– По заведенному на тебя делу! – Отрезал товарищ Зотов. – При «беляках» хорошо жилось? Говорят, сам генерал захаживать изволил. Ты тут всю их контру почивал. Доносы на своих сограждан сочинял, чтобы в любимчики пробить-

ся?

– О чем Вы... Зачем же так... Ни каких доносов не было... Если и оболгал кто, так на веру принимать надобно? Товарищ Зотов. Вы-то меня получше иных знаете... – Залепетал Прохор Семенович, но был оборван резким окриком Зотова.

– Ты что, морда нэпмановская?! Хочешь упрекнуть, что визиты в твою харчевню наносил уставший от государственных дел работник? Может, посчитал, сколько раз? Может, еще и должок за мной имеется?! – Расшумелся товарищ Зотов, ожидая, осмелится ли Прохор Семенович озвучить то, что обильные ужины проходили почти всегда за счет заведения или с условным участием в погашении расходов со стороны товарища Зотова. – Рой себе могилу наговором на представителя ЧеКа! При таком твоём хамстве, одним изъятием имущества дело не закончится. При таком хамстве в домзак* попасть запросто можно! Понял?!

Прохор Семенович утирал большим белым платком обильно высыпавший на лице и шее пот и ничего не мог произнести в ответ. Ужасная картина сырой каменной пещеры с толстой железной решеткой на маленьком оконце и снующими между ног голодными крысами мгновенно заняла все его сознание, отрешая от реальных событий.

– Чего молчишь?! – Грозно рыкнул товарищ Зотов.

– Отвечайте же, милейший Прохор Семенович! – Настоячиво посоветовала спутница товарища Зотова, которая бы-

ла рядом со своим начальником во всех ужиных застольях и даже после того. Формы ее тела хорошо запомнила кровать во флигеле особнячка владельца заведения, куда и сопровождал их Прохор Семенович по требованию товарища Зотова. _____

*** – следственная тюрьма.**

– Дак... не соображу, что и в ответ сказать... – Испуганно прошептал Прохор Семенович. – Только... нету у меня к Вам претензий никаких... О чем намек Ваш, понять не могу...

– То-то! – Товарищ Зотов оскалился в довольной улыбке. – И не можешь иметь претензий!

– Понравилась сценка? – Отвлек внимание бестелесного Прохора Семеновича странно улыбающийся Михаил Архангелов. – И как Вам глянулся это «борец за свободу трудового народа»? О каком это знакомстве изволил упомянуть тот Прохор Семенович? Может и родство какое имелось?

– А как же! – Воображаемо громко воскликнул, никем, кроме Архангелова, не услышанный бестелесный двойник Прохора Семеновича. – Сенька! Сын сестрички моей двоюродной из Шельмовки. Нагулянный. Папашу его даже ма-маня точно вычислить не смогла из-за своей любвеобильности и полнейшей безотказности к мужскому полу. Ко мне судомойкой прибилась. А на втором году пребывания в горо-

де, этого самого нахала в подоле и притащила. Так в коморке, что за чуланом, на моих хлебах и откормила. Потом они на какую-то ярмарку с попутным обозом сговорились. После того и вестей-то о них никаких не имел. Думал, сгинули где... А оно? Вишь, как! Где же этот бездарь выслужиться в начальство успел?

– Не волнуйтесь, Прохор Семенович! Коли есть любопытство к событиям тем, я мигом предоставлю Вам возможность проглядеть картинки из прошлого Вашего дорогого племянничка.

Знаменитая на всю округу Екатерининская пересыльная тюрьма, добродушно прозванная в народе «пересылочкой», на своем веку многому преступному люду давала возможность потолкаться в тесных камерах, поочередно падая для сна на случайно освободившееся место на нарах, или прямо на полу. О ее «гостеприимных» казематах даже выдавшие виды каторжные говорили с трепетным страхом. Каторжные на описываемый момент уже не гостевали в «пересылочке». Время другое настало. Но, свято место, как известно, свободным быть не должно. Освободившееся пространство тут же обжили политические, которые на воле бунтовали против слабовольного второго и последнего Николая в царственном роду Романовых, желая стать строителями ка-

кого-то нового мира на развалинах нынешнего. И, при том, все без исключения, кто был никем, враз станут всем. Что подразумевалось этим каламбуром, ни один из надрывающих глотки в хоровом пении этого нового гимна представления не имел.

В этой самой «пересылочке» и высмотрел Прохор Семенович своего племянничка. Тот с группой сотоварищей был оставлен в обслуживе этого гостеприимного заведения, так как, в силу своей сучьей натуры, очень поднаторел в написании всяческих доносов на своих «братишек», кочующих в сторону Сибири и временно пребывавших тут в ожидании очередного этапа.

Из ворот этого заведения и был он вынесен на руках разношерстной толпы, украсившей свои пальто и куртки цветными бантами и обещавшими разрушить все до основания. Вынесен был Сенька Зотов на широкую дорогу невероятных возможностей для людей его склада. В скорости, «жертва кровавого произвола» уже громил «эксплуататоров», используя полную свободу действий, за которые ранее вновь был бы водворен на отсидку.

– Сень! Ныне кого из кровопивцев на распыл пускать будем? – Поинтересовался давно не чесаный мужик лет сорока, с тоской взирая на безобразную прозрачность пустой бутылки, сохранившей в себе только устойчивый «аромат» безвозвратно исчезнувшего содержимого.

– Точно, Сень! – Поддержала мужика девка, с трудом отрывая заплывшее не яркой еще синюшностью лицо от завалянного объедками стола. – Пора бы уж и «петуха» запустить кому в усадьбу. Иначе братва от скуки разбрестись может куда. А у нас еще дел революционных выше головы. Сентябрь к концу катит. Надобно одежкой обзавестись. Лошаденки бы с телегами и санями не во вред были. Да жить где-то в тепле хорошо было бы..

– Лады, Танька! Уговорили! – Согласился Семка. – Нынче и двинем. Тута, за пару верст от нас, поместьице неплохое приглядел. Кровопийца Дерябов проживать изволют. На двоих с бабой своей места столько оттяпали, что нам всем там по паре комнат выйдет. Вот у него и разживемся. Свидетелей не оставлять. Сгинул куда-то барин с бабой своей. Бросил все. А мы и подобрали. Не пропадать же добру. Так и решим!

Когда докатилось известие о том, что какое-то там Временное правительство закончило в Питере свой короткий путь, Семка, ставший уже товарищем Зотовым, был избран в Совдеп и, возглавил его боевой отряд, совершил немало «подвигов» во славу трудового народа. Кому же, как не этому умельцу очищать чужие карманы и жилища, могли доверить столь высокий пост?

– Все понятно, Прохор Семенович? – Поинтересовался Архангелов. – Твой бедный родственник при большой власти оказался. Теперь Вы у него милости просить будете. А он, по родству, засунет тебя в какую-нибудь глушь без права возврата.

– Не зверь же? Добро мое помнить должен...

– Это, когда Вы его, с маманей, спрашивали с глаз своих, дабы не иметь в доме лишних ртов, учитывать надобно было. Сейчас же время собирать камни, как сказано в Святом Писании.

– Неужели, отнимет, сучий сын, все, что долгими годами наживалось? – Простонал Прохор Семенович.

– Это – следующая картинка. – Заулыбался в ответ Архангелов.

Точно в назначенное время Прохор Семенович осторожно постучал костяшками пальцев в дубовую дверь, которая ранее вела в приемную городского головы, а ныне отгораживала своей величавой массивностью все то, что должно было навалиться на него, как только ступит Прохор Семенович за порог, твердо оберегаемый этой дубовой бездушностью.

– Входите! – Выстрелом прозвучал женский голос, и перед бегающим взглядом Прохора Семеновича предстала важно восседавшая за большим столом, крышка которого была обита зеленым сукном, маленькая женщина с не первой све-

жести лицом, запакованная в хрустящую лаком черную кожаную куртку. – По вызову?!

Танечка-Татьяна Степановна, неизменная спутница Зотова во всех его загулах и одновременно личный секретарь, вежливо, насколько позволял ее невеликий росток, возвысилась над столом.

– Сами же... вчерась... изволили слышать... – Залепетал Прохор Семенович, ощущая себя лягушкой, добровольно ползущей в пасть удаву.

– На что намекаем, гражданин?! – Татьяна Степановна произвела выстрел убийственным дуплетом обеих глаз. – Где это я могла чего-то слышать?!

– Как же.. Вчерась... Вы же ужинали в моем заведении... – Продолжал обалдело лезть в пасть удаву Прохор Семенович.

– Шантаж?! – Вдруг рыкнуло откуда-то сбоку. Тускневшему в полуобмороке взгляду Прохора Семеновича предстал наплывающий на него всей своей озлобленностью образ товарища Зотова. – Ты, нэпмановская морда, зачем сюда явился?! Чистосердечно во всех своих деяниях сознаваться, или пытаться шантажировать обличенных властью народного государства сотрудников ЧеКа? Мы к тебе по-хорошему: зайди, Прохор Семенович, беседа есть. А ты?! Сыромятин! – Гаркнул куда-то в коридор Зотов. – Прихвати Дуболомова и заглянь ко мне! Дело есть!

Спустя буквально несколько секунд в приемную товарища

Зотова вломились два дюжих парня в косоворотках.

– Этот? – Ткнул толстой сарделькой указательного пальца в грудь Прохора Семеновича один из прибывших.

– Этот. – Подтвердил товарищ Зотов. – Ставлю задачу! Контра! Доносил на честных трудящихся белогвардейцам, за что был особо отмечен их генералом. Нажил имущество на страданиях городских пролетариев и других трудящихся масс. На оформление раскаяния даю два часа! Татьяна Степановна все зафиксирует под роспись. Имущество припрятанное изымать буду сам. Уведите!

Прохора Семеновича поволокли в какой-то подвал, где в глухой камерке имелись всего: маленький столик и приставленный к нему табурет. Место за столиком заняла личный секретарь, а Прохор Семенович был поставлен напротив нее, зажатый с двух сторон верзилами, своим видом обещавшими ему долгую и мучительную процедуру исследования обмякшего его тела на сопротивляемость внешним воздействиям.

– Ты посмотри, что, гады, делают! – Простонал Прохор Семенович, словно его бестелесная виртуальность на себе ощутила «творческий подход к делу» двух верзил из ЧК, которые проявляли такую изощренность в своем «творчестве», словно на «отлично» сдали выпускные экзамены в школе палачей матушки-инквизиции.

– Такова суть того самого момента, когда никто становит-

ся всем сразу. Ему когда-то городской кулаком в морду за его проделки, а теперь он все муки ада другим преподносит, гордясь, что дорвался до власти и никем остановленным быть не может. Это – тот самый «пролетарий», который ничего, кроме тюремной камеры за собой никогда и не имел. Вышел, взял прохожего «на гоп-стоп»*, гульнул на всю широту своей серой душонки, снова в камеру на постой, к дружкам. При хорошем раскладе да при умении поставить себя в блатной среде, можно и в авторитеты вылезти. Тогда и в камере жизнь-малина. И начинают тебе бывшие твои уличные братки прислужничать, словно боярину какому. При «невезухе» останешься навсегда в «шестерках». Об тебя всякий ноги вытирать будет. А у тебя злость в душе возрастает: дождусь момента, покажу кому-то Кузькину мать! Эти двое и дождались... – Тут же выдал пояснение моменту Архангелов. – Все у тебя выгребет из тайников племянничек твой, а самого к азиатам на проживание сошлет. С пустыми карманами сошлет. А его сынок приемный, которого ему Татьяна из какого-то приюта выхлопочет с пояснениями, что явился товарищ Зотов прямым соучастником появления на свет этого лохматого пройдохи, унаследует затем все, что папаша успеет «изъять» у Вас и иных лиц, которыми интересовалось местное ЧК и он сам в особенности. Желаете ознакомиться с подробностями? К Вашим услугам!

– А можно заглянуть в то время, когда со всем этим покончено будет? Продолжение этой картины у меня

*** грабеж, разбой**

интереса не вызывает... Все из Ваших слов понял... Моя ниточка судьбы рвется... – Со вздохом прошептал Прохор Семенович.

– Не скажите, уважаемый Прохор Семенович! Не скажите! Покажу я Вам встречу ваших с товарищем Зотовым потомков. Интересная, знаете ли, встреча. Даже того более, будете участником событий. Только сторонним. И без предъявления своей истинной сути посторонним. Инкогнито, как принято говорить. Согласны?

– Хотелось бы иметь такое удовольствие...

– Тогда, к делу!

– Куда же Михаил подевался?! – Прохор, присевший за кустом явно с желанием остаться не замеченным с дороги, взволнованно трепал свою кучерявую, аккуратно остриженную бородку. – Куда же он подевался?!

– Это Вы ко мне, уважаемый? – Донеслось из-за спины. Перед ним стоял Михаил, который внезапно возник ниоткуда. – Сами же пожелали поглядеть на то, как наследники встретятся. Поглядите, все ли Вам тут знакомым покажется. Кстати, прошу Вас впредь меня Иванычем называть. Так будет удобнее общаться.

– Тогда, ужо, и ты, горе мое луковое, меня Семенычем кличь. По батюшке так выходит. – Потребовал Прохор.

– Лады. – Согласился «Иваныч», с улыбкой глядя на то, как округляются глаза Семеныча, вышедшего из-за кустов, и обнаружившего вокруг себя картину, ранее им, никогда не наблюдавшуюся. – Что, показались чудные видения?

Семеныч в это время опустил на колени и водил ладошкой по раскаленному солнцем асфальту.

– Кто это докумекал смолой дороги заливать? Видать в этом месте дурней поболее нашего будет. Одна вонь! Сейчас все земляца впитает. – Удивлялся он.

– Не впитает, Семеныч.

– Врешь, однако?! – Не поверил Прохор.

– Чистая правда! – Заверил Архангелов.

В это время, шелестя мягкими шинами, мимо них вихрем пролетел внедорожник.

– А это? Что за бесовские шутки? – Оцепенел от неожиданности Прохор.

– Это – праправнук того самого авто, на котором к Вам из ЧК товарищ Зотов приезжал.

– Вот те нате! Разве с такой скоростью авто бегать может? Привираешь, однако? – Не поверил Прохор.

В это время на дороге обозначились два желтеньких огонька, который быстро приблизились к нашим знакомцам, оказавшись фарами выдавшей виды «семерки».

– До города подбрось, дорогой! – Открыв переднюю двер-

цу, попросил водителя Архангелов. – Мы тут с дядькой долго в лесу на повале работали, пообросли немного. Надо бы себя в божий вид привести. Кроме того, желательно дядьке наряд сменить. А то он, как выступал в самодеятельности, так и рванул к жене. Очень уж соскучился по прелестям ее. Даже на переодевание время не отвел. – И Архангелов задорно рассмеялся собственной шутке, заставляя улыбаться и водителя, который уже указывал жестом, что согласен выполнить просьбу.

Первым делом остановились у парикмахерской. Затем побывали в супермаркете. К гостинице прибыли уже, имея вместо прежнего Семныча, образца начала двадцатого века, современного российского гражданина средней руки достатка, принаряженного по какому-то особенному случаю в строгий костюм.

– Ты куда меня приволок? – Зашептал гость из прошлого, когда они остановились перед стойкой с надписью «РЕЦЕПШЕН». – Думал, что грамоте я совсем не обучен? Какие рецепты? Чем еще меня напоить хочешь?

– Не горячитесь. Это – стойка для регистрации тех, кому предоставлено место в гостинице будет. Зачем они русскими буквами иностранное слово заплели в вывеску, я сам понять не могу. – После этих слов Архангелов повернулся к солидной даме, демонстративно возложившей на стоявший перед ней служебный столик с компьютером свой крупногабаритный бюст, отчего аксессуарам компьютера стало со-

всем неуютно в свободном пространстве. – Уважаемая госпожа! Не сыщется ли в вашем прекрасном заведении пара мест для усталых путешественников? Мы были бы Вам очень благодарны. В знак нашего уважения к Вам прошу принять вот это!

Ловким движением факира Архангелов извлек невесть откуда коробку дорогих шоколадных конфет и веточку белоснежной розы, которые тут же протянул за стойку. От волнения полушария бюста волнительно заколыхались на крышке столика, а из уст солидной дамы вырвался вздох созвучный хлопку вырвавшейся из горлышка пробки от шампанского.

– Зачем же... – Изображая неловкость возникшего положения, голосом Левитана жеманно выдала дама. – Можно бы и без этого... Места, имеются. Два полулюкса Вас устроят? Случайно оказались не занятыми... Давайте ваши паспорта.

– У меня... – Попробовал что-то произнести гость из прошлого, но не успел выдать всю фразу. Ладонь Архангелова плотно прижалась к его губам.

– Мой дядя хотел сообщить, что у него с собой только заграничный паспорт. Мы, знаете ли, только-только из зарубежной поездки.

– Не волнуйтесь. Паспорт и в Африке паспорт! – Зычно прохохотала дама, забирая из рук Архангелова, неизвестно откуда взявшиеся, паспорта с золотыми орлами на корочке.

– Сдачи не надо! – Оскалился безукоризненной белизной своих зубов Архангелов, отстраняя руку дамы с зажатыми

в ней мелкими купюрами. После того он ухватил под руку своего спутника и поволок его к лифту. — Нам на одиннадцатый!

— На какой?! — С ужасом воскликнул Прохор. — Это сколь же топать-то надо? Еще и с этой сумой тяжелой.

— Зачем же топать? На то уже давно лифты имеются. Мигом доставит. — И Прохор Семенович был введен в зеркальную кабину, которая совсем отгородила его своими скользящими дверцами от внешнего мира и куда-то повезла.

Короткое время спустя дверцы снова разъехались и оба мужчины оказались в широком, ярко освещенном неоновым светом коридоре, пол которого был застлан мягкой ковровой дорожкой. Тут же к ним подбежала молоденькая девушка в коротенькой юбочке, которая никак не мешала любоваться стройностью ножек хозяйки, прикрывая только места их произрастания. Белоснежная блузочка аккуратно обтекала красивые формы груди, наполовину предоставленной восхищенным взорам гостей.

— Я — горничная. Хотела бы показать вам ваши номера и поинтересоваться, не будет ли замечаний, либо каких-то дополнительных пожеланий. Зовут меня Аленой. Я к вашим услугам.

Когда очередная коробка конфет обрела своего адресата в лице Алены, та, невинно потупив взгляд, так глубоко вздохнула от необходимости принять подарок, что декольте на груди стало еще на одну пуговицу ниже.

– Вы когда меняетесь, милая Аленка? – Поинтересовался Архангелов-Иваныч. – Надеюсь Ваш вечер сегодня не очень напичкан разными планами?

– После семи я свободна... – Не поднимая глаз на собеседника, ответствовало чудо гостиничной природы.

– И у Вас есть хорошая подруга, которая тоже может оказаться в одиночестве в этот прекрасный вечер?

– Есть...

– Как это здорово, дорогой дядя, скрасить грустный вечер двум прелестным созданиям! – Повернулся Архангелов-Иваныч к спутнику. – Заодно и мы скоротаем время в обществе этих фей местного сказочного царства, именуемого гостиницей. Милая Аленушка закажет в твой номер все, что сочтет нужным для приятного проведения вечера. А затем они с подругой нанесут нам визит в двадцать часов местного времени. Идет, Аленушка?!

– Вам, разве, откажешь... Вы и глухого уговорите.. Будем ровно в восемь... – И короткая юбочка исчезла за дверью номера.

– А ты – бабник, Иваныч! – Сделал вывод владелец трактира. – Как ловко девке голову замутил!

– Мелочи, дорогой «дядюшка». Им скучно, нам скучно... Поболтаем за хорошим ужином. Новости послушаем. А там... – Архангелов многозначительно прервал фразу.

Ровно в двадцать часов уверенный стук в дверь известил

мужчин о том, что представители нежной части местного населения уже прибыли для совместного времяпровождения и что дело это для них никак не является чем-то, вызывающим глупые волнения.

В течение ближайшего получаса Прохор с еле сдерживаемым желанием ухватить обеих визитерш за их расфуфыренные космы и выставить за дверь наблюдал, как молодая поросль гостиничного бизнеса, дымя ароматным табаком, заглатывала такое количество водки, которое не всегда позволял себе и городской. После пятого тоста, разгулявшиеся гости внесли предложение разделить попарно и разойтись по номерам для продолжения вечеринки в более тесных составах.

– Ты же мне в дочки годишься... – Начал было вразумлять избравшую его девицу Прохор. Попытка его была тут же пресечена горячим поцелуем.

– Не волнуйся, папаша! Мы с тобой еще таких чудес наворочаем, что тебе и в молодости мечтать не доводилось. Ты у меня будешь ржать от удовольствия, как застоявшийся жеребец! – Заверила его подруга горничной.

– Пойдите-ка, девочки! – Вмешался в ход происходящего Архангелов. – Ну, не так сразу.

– А чего резинку тянуть?! – Возмутилась горничная. – Покувыркаемся, и по домам!

– Мой дядя, человек степенный. К таким скорым порывам не привыкший. – Спокойным тоном продолжил Архан-

гелов. – Можно на первый случай и простым ознакомительным застольем обойтись. Мы тут еще поживем какое-то время. По этой причине успеем еще «накувыркаться».

При этом Архангелов с откровенной усмешкой сделал ударение на последнем слове.

Девушки озадаченно переглянулись.

– И мы можем смело продолжать застолье, ничем не отблагодарив тех, кто оплатил все это?! – Удивилась горничная Аленка.

– Именно своим участием в нем вы и выразите нам наибольшую свою благодарность. Заверил Архангелов и, склонившись к Прохору, произнес ему на ухо. – Поговорите со своей обольстительницей. Вам же хотелось повидаться с потомками обидчика. Она – одна из них.

– Как?! – Невольно вырвалось из уст Прохора.

– Не волнуйтесь так. – Продолжил шептать Архангелов, пока гости налегали на французский коньяк, неизвестно откуда появившийся на столе. – Она нас еще и с остальными познакомит. Со всеми повидаетесь. Заодно и своих навестите.

После того, как гости уже слабо ориентировались в происходящем из-за наступивших последствий вольного возлияния напитков, Архангелов отправил их в неизвестно кем заправленные постели. После того предложил Прохору диван в своем номере.

Утренняя встреча была очень короткой. Водрузив на сто-

ле бутылку холодного шампанского и вазу с фруктами, Архангелов пожелал девушкам скорейшего освобождения от похмельного синдрома и объявил, что они с дядюшкой будут ожидать их в шесть часов вечера у входа в ресторан «Мечта».

Когда Прохор подкатил на взятом где-то на прокат Архангеловым черном «БМВ» ко входу ресторана, обнаружилось, что ожидают их не только знакомые им служительницы гостиничного сервиса но и еще две девицы, державшие под руки с обеих сторон какого-то сухопарого хлыща, удивительно вызывавшего своей внешностью ощущение его полной бесполости или одновременного сочетания в нем обеих ее ипостасей.

– Привет! – Выразил хлыщ визгливым голосом свое заверение в том, что он в обязательном порядке будет участником надвигающегося приятного времяпровождения. – Мы тут вас заждались, чуваки! А ничего вы себе тазик склеили.

– Какой тазик? – Пробурчал Прохор.

– Это он так наше авто называет. Принято у них так. – Успокоил его Архангелов. И тут же обратился к ожидавшим. – Валим в банкетный зал! Там уже на всех накрыто. За столом и познакомимся с новыми гостями.

Все они дружно прошли в банкетный зал.

– Обратите внимание, Прохор, на этого визгливого от-

ростка эпохи перерождения мужиков. Это – Ваш правнук, дорогой мой. Как видите, он очень вольготно чувствует себя в обществе потомков товарища Зотова и даже имеет высокой степени близость с той, которая справа от него. Да и со второй такая близость иногда случается. Это в данный момент и для данных молодых людей грехом не является. Даже наоборот.

Шумное застолье с обилием напитков и закусок уже перешагнуло свой зенит и шло к закату, когда одна из девиц, восседавших рядом с писклявым правнуком Прохора, заявила:

– Вы тут еще потусуйте, а мы вон с тем папиком в гостиницу двинем...

Очень он мне приглянулся...

На удивление Прохора. Никто и даже его правнук отговаривать девицу не стал. Наоборот, слышались одобрения такого решения.

– Я с вами. – Решительно заявила Аленка, выдергивая Прохора из-за стола и жадно припав к его губам своими густо напomaженными губами. – Втроем в бассейне! Вот это кайф!

Прохор от неожиданности оторопел.

– Ты-то куда смотришь? – Обратился он к своему правнуку.

– И то... – Собрав остаток сил вознес над столом свое ослабленное напитками тела правнук. – Принято... Наташка! С ними двинем... Мужик групповуху строит... Не ожидал...

– О чем это он? – Спросил Прохор Архангелова.

– Хочет, чтобы вы впятером в бассейне любовным утехам предались. – Ответил тот.

– Все! Хватит! Вертаемся обратно! Сыт по горло твоими картинками. Каждому в свое время жить надобно.

– Решение окончательное? – Серьезным тоном спросил Архангелов.

– Без сомнений!

Два человека стояли под вывеской «ТРАКТИР «ЗОЛОТОЙ ФАЗАН». Один из них был модно одетый стройный мужчина, державший в руках трость с золотым набалдашником. Второй – владелец трактира, известный всему городу Прохор Рвач. Последний вышел на крыльцо, чтобы проводить высокого гостя, надолго засидевшегося в его заведении.

– Спасибо за вечерний приют Прохор Семенович. Хорошая у нас с вами вечеринка получилась. С картинками. – Проговорил человек с тростью.

– Да уж... Век бы такого не видывать... – Со вздохом отвечивал Прохор Семенович. – Не знаю, как и уживусь с мыслями о том, что меня ждет впереди... Страх один.

– Вы ответьте только, будут ли у Вас новые желания побывать в будущем, или Вы не будете утруждать себя таковыми.

– Нет уж! По горло сыт! Не будет у меня таких желаний,

господин Архангелов. Идите Вы вместе со своим департаментом куда подальше.

– Подальше уж некуда. А вот то, что вы снимаете с нас обязанность отслеживать ваши пожелания, облегчит нашу работу. Вы самый настойчивый проситель.

– Закончим на этом, господин Архангелов! Ни знать, ни видеть ничего более с Вашей помощью не хочу!

– Твердо?!

– Твердо!

– Тогда извольте приложить к этому документу Ваш большой палец! – Потребовал Архангелов. – Бюрократия. Везде бюрократия. Везде бумагу подавай. Вот здесь... Все верно... Прощайте навсегда Прохор Семенович, хотя искренне жаль с Вами расставаться так быстро!

Под вывеской остался один трактирщик.

– Чего это меня сегодня в сон сморило? Прямо у сейфа и прикорнул. Устаю, однако. Вона уже и на улице никого. Вроде какой-то господин с тростью в руках хотел в заведение заглянуть, когда я городского выпроваживал, а потом пропал. Судя по одеянию, в больших чинах и званиях. Жаль. Выручки бы прибавил. Такие, как он, денег не жалеют. Да уж ладно.

Всех денег не соберешь. А Матрена Никеевна моя поди уж от окна не отходит. Извозчик! Извозчик! На Зеленую! побыстрей! На чай хорошо дам!

– Это тебе моя последняя услуга. – Заулыбался стоявший

за углом Архангелов, взирая с какой радостью воспользовался Прохор Семенович «случайно подвернувшимся» извозчиком.

г. Липецк

ноябрь 2011-июль 2012 г.г.

Колькино чудачество (фэнтези)

Все это – Колькины чудачества. Друг у меня такой есть, Николай. Мы с ним еще из института нашу дружбу вынесли и с успехом до сего дня по жизни несем. Правда, жизнь, как ей и положено, у каждого из нас по своей дорожке побегала.

Колька, тот сразу после учебы место себе на вещевом рынке присмотрел. Громким словом БИЗНЕС это тогда называлось – торговля шмотками неизвестного происхождения, с яркими ярлыками и обязательным присутствием иностранных буквенных наборов в словах. Там и жену нашел. Они с ее маманей уже в «раскрутке» были. Теперь у той семейки только в нашем городе три собственных магазина. А их вилле за городом мог бы позавидовать любой средневековый барон среднего достатка. Правда, челяди у них поменьше баронской, теперь техника повсюду, но определенный персонал имеется.

Я же, посредством авторитета дедушки-профессора и возможностей отца, занимающего среднюю руководящую должность на нашем градообразующем заводе, внеся «компенсацию» за труды по определению для меня вакансии на еще одном, из двух существующих в городе заводе, ответственно взялся за работу рядового инженера, с перспективой к старо-

сти, занять должность начальника цеха. Планка моего благосостояния возможно и поднималась вверх, но невооруженным глазом это движение не замечалось.

Возрастающее различие благополучия наших семей никак не сказывалось на прочности и простоте наших отношений. Очевидно, чтобы стереть существующие факторы различий, Колька и придумал этот отпуск в лесу. Вчетвером, дикарями и обязательно в старом деревенском домике на окраине. А еще лучше, по его мнению, если домик окажется вообще отдельно стоящим.

Не знаю, во что обошлась ему эта затея, но он нашел избушку в тридцати километрах от города и в пяти километрах от автотрассы на берегу какой-то речушки-ручейка. В полукилometре от избушки располагался кордон какого-то там лесничества. Колька говорил, что избушку эту когда-то срубил из отборной лиственницы купец-гуляка для своих загородных выездов-загулов. По сохранившейся на кордоне легенде, купец этот по пьяному делу решил в лесу грибков подсобрать. Ушел в лес и пропал. Как сквозь землю! Долго поиски его родственники вели. Только напрасно. Не нашелся купец. Тогда избушка эта дурной славой поросла и народ ее обходить сторонкой начал. Кому-то там призрак купца померещился, кто-то голоса какие-то слышал. Сам знаешь, как это бывает в таких случаях.

Теперь собственником этой избушки со всем двором с постройками и стал мой друг Колька. Нанятые им на стороне,

из-за категорического отказа местных умельцев, строители за пару недель навели порядок, подремонтировав и почистив все во дворе. Тогда-то и объявил нам Колька о предложении провести вместе отпуск в условиях приближенных к быту начала прошлого века. Именно приближенных. Для этой цели он где-то на весь месяц нанял запряженную черным рысаком коляску вместе с кучером, жена которого согласилась выполнять роль экономки и кухарки.

Нам с женой эта затея очень даже понравилась. Особенно ярким штрихом причастности старому быту стало появление, по инициативе экономки, в нашем дворе семейства кур, Возглавляемых очень ярким и горластым петухом, который, без нашего на то согласия, ежедневно прерывал сладкие сны своими утренними репетициями бойцовских выкриков.

Всем этим Колька не удовлетворился.

– Может, для местных прием организовать? – Внезапным вопросом обозначил он вновь пришедшую к нему идею. – Что-то вроде костюмированного бала с самоваром и прочими атрибутами купеческого ужина? Как смотрите?

– Костюмированного? Это как? – Удивился я.

– Все очень просто. Я созвонился с нашим театром. Пару мужских костюмов и пару женских платьев, носимых купечеством, они нам дают на прокат. Приоденемся соответственно. А гостей попросим тоже поискать, что у кого сохранилось. Думаю, вечер будет веселым. Все это на камеру снимем. Вот память будет! Идет?

Согласие было выражено дружными аплодисментами.

– Только у меня вопрос: кто на всю ораву готовить будет? – Прервала нашу бурную радость экономка. – Одна я такое дело не вытяну.

– Продумано. – Успокоил Колька. – Спецы из кафе к нам приедут. Они тут все и оформят. А Вам, дорогая наша кормилица, только распоряжаться всем и останется. Может, еще цыган уговорить сможем. Тогда и они с песнями подкатят. Костер разведем. Гулять, так гулять!

Уходящее солнце багряными лучами скользило по оконной глади, распадаясь тысячами ярких блесков. Тени от деревьев незаметно, как разведчики во вражеском тылу, подползали к дверям пышущей жарким воздухом бани, когда мы с Колькой, завернувшись в белоснежные простыни, вышли за порог. Распаренные тела с удовольствием приняли свежесть растекающегося по земле аромата вечернего лесного воздуха. Я включил лампочку под козырьком навеса над входом. Пятно ярко света моментально отодвинуло напольные тени и они, теперь уже не прячась, встали во весь рост на границе света.

– Сейчас нас девчата чайком со смородиновым листом побалуют. Жили же люди! – Я с удовольствием потер ладонью о ладонь. – Не дурак, видать, купец-то был, который это местечко облюбовал. Воздух – прямо пить хочется.

– Видно, что не дурак! Что это, интересно, с ним произо-

шло? Вон, с какой боязнью местные наше приглашение приняли. — Ответил Колька.

— Столько лет им мозги парили разной ерундой. Хорошо, что согласились...

Наш разговор прервал своим появлением невысокого роста мужик, внезапно появившийся из-за границы света. Это было странное явление. Странное в нем было все, начиная от прически представлявшей собой густо сдобренные какой-то мазью волосы, разделенные вдоль головы тонким пробором на две равные части. Из-под лохматых бровей на нас смотрели любопытные зеленые глаза. Половина лица была скрыта густыми, неразрывно лежащими вокруг губ, усами и широкой бородой. Ярко-алая толстовка с четырьмя перламутровыми пуговицами и широкими рукавами без манжет перехвачена в поясе лаковым ремешком с металлическими наклепками на конце и такой же пряжкой посередине. Черные с узкой серой полосой брюки заправлены в доходящие почти до колен и сверкающие глянцем голенища сапог.

Незнакомец держал в руке корзинку, на дне которой лежало несколько грибов. Он взирал на нас так, словно встретил тех, на встречу с кем не мог надеяться всю жизнь. Размашисто и нервозно крестясь, он нерешительно произнес:

— Кто вы? Зачем вы здесь?

— Это Николай. Мой ближайший...

— Понял! Все понял! — Не дав мне договорить, незнакомец, как подкошенный, рухнул на колени и стал бить лбом

о землю перед собой. – Простите неразумного! Не взыщите строго! Решили спросить с меня за грехи мои? Время пришло?

– погоди ты! – Колька нервно вознес правую руку, как это обычно делают при автостопе.

– Прости, Святой Угодник! Не признал сразу. Весь на твою милость уповаю! – После этих слов незнакомец, не поднимаясь с колен, приблизился к Кольке, поймал его руку и стал лобызать ее, как родного ребенка. Когда Кольке удалось высвободить руку, незнакомец повернул голову ко мне. – Прости! Тебя тоже не опознал! Всех только на иконах видеть и доводилось! Живьем-то впервой!

– Михаил. – Представился я, протягивая по привычке незнакомцу руку для пожатия.

– Благодать-то, какая! И ты ко мне?! Чем заслужил сырый купчишка снисхождение такое?! Кто бы подумать мог, что прим жизни воочью узрю?! – Он прижал свои губы к моей руке и отметил ее долгим поцелуем.

– Хватит! – Резко оборвал его чудачества Колька. – Перепил, однако?

– Был грех! Не могу скрывать! Мы тут уже деньков пять, как в делах грешных да в обильном питие, с друзьями да девками время проводим. Может лишнего и позволил...

– Встань с земли. Нечего дыры на коленях протирать! – Потребовал Колька. – Да расскажи нам кто ты и откуда. Может поможем чем!

– Вся моя надежда на тебя Святой Угодник! Вымоли у Господа прощение за грехи мои! Откуда же вам – жителям небесным, знать про нас. Егоров я. Ермола Егоров. Купец. Меня в городе каждая собака знает. Все из моих рук кормятся и одеваются. А здесь местечко для себя прикупил по случаю. Каюсь, греховен замысел был. Супружнице, Богом данной, изменял. Каюсь! И прощения прошу!

– Да погоди ты со своими раскаяниями! – Вновь остановил его Колька. – Откуда ты взялся?

– Из лесу, ясно. По грибы ходил. А где все остальные?

– Какие остальные?

– Которые со мной здесь пировали.

– Нет здесь никого, кроме нас. – Вмешался я в разговор. – И уже много десятков лет никого здесь и не было.

– Как же так?! Я только после обеда со всеми расстался. Решил по грибы сходить. А они здесь колготились по пьяному делу. С утречка за нами кучера прибыть должны...

Мы с Колькой переглянулись. История с купцом принимала нас в свои участники.

– Ты, Ермолай, не волнуйся. Давай мы с тобой по стакашку пропустим под хорошую закуску. А потом во всем разберемся. – Колька обнял купца за плечи и повел в дом.

– У вас тоже пьют? – С со смесью ужаса и удивления в голосе спросил

Ермолай.

– Бывает. – Признался Колька. – Иногда даже с избытком.

– А как же Он? – Ермолай ткнул пальцем поверх наших голов.

– Он тоже. Еще с Урала. Только с возрастом слабеть начал. Недавно посадку проспал. А так ничего. Бодрый. Все указамии сыпет да окружение меняет. – Охотно проинформировал я Ермолая. – Теннис любит.

– Это еще что за штука?

– Это – когда шарик через сетку со стороны на сторону перекидывают.

– Зачем? – Ермолай даже остановился от удивления. – Неужто, на всякую ерунду у Него время есть? А кто же за душами нашими приглядывает?

– Есть у него разные там службы. Они и друг за другом на всякий случай. Времена нынче сложные.

– И у вас тоже?! У нас понятно – война с германцем на носу. А у вас что? Мы то в молитвах поддержки Его просим, а ему, видать, и не до нас совсем?

Стало ясно, что разговор у нас шел о разных ситуациях. Ермолай все еще продолжал принимать нас за посланцев небесных, прибывших вразумить грешные души его и его собутыльников. А мы с ним вели разговор о проблемах нынешних. Еще стало ясно, теперь уже без всякого сомнения, что, спустя почти век, мы встретились с бывшим хозяином Колькиного имения. Не с духом и не с приведением, а с самым настоящим и полным сил и здоровья пропавшим купцом. Вот это чертовщина!

– Постой тут, Ермолай! Мне с Михаилом уединиться надо на пару слов. – Подмигнув мне, выдал Колька.

– Воля ваша! – Вновь размашисто крестясь, замер на месте Ермолай.

– Ты все понял? – Зашипел мне на ухо Колька. – Он пришел к нам из прошлого. Живой, здоровый и ничуть не постаревший. Понимаешь?

– Я понимаю. А он? Что-то нас за святых принять решил.

– Посмотри, во что мы облачены. Человек выходит из лесу, а перед ним в ореоле яркого электрического освещения, которого здесь никак быть не должно, два мужика в белых тогах. А один из них с лысиной на голове. И зовут Николаем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.